

Н. С. САРАФАНОВА

Неизданное сочинение протопопа Аввакума

В рукописи ГПБ, собр. Н. М. Михайловского, Q.173 (лл. 1—21 об.) находится неизданное сочинение протопопа Аввакума. Оно было известно уже П. С. Смирнову, готовилось им к печати для II тома «Памятников истории старообрядчества XVII в.»,¹ но издание не состоялось, и текст остался неопубликованным.

Между тем это сочинение Аввакума, названное П. С. Смирновым «Посланием трем неизвестным», заслуживает внимания исследователей, оно является существенным и интересным дополнением к его «Книге толкований». Содержание Послания, обогащающее наше представление о взглядах Аввакума на те или иные вопросы церковной и общественной жизни, ряд автобиографических подробностей, сообщаемых в нем, яркий стиль определяют ценность сочинения в литературном наследии Аввакума.²

Послание сохранилось в единственном списке в дефектном виде: начало его отсутствует.

Несколько слов о самой рукописи. Это старообрядческий сборник в 4-ку, писанный на 154 листах двумя разными почерками, скоропись четкая и раздельная. По почерку и филигранным гербам Амстердама датируется первой четвертью XVIII в. Первые листы рукописи отсутствуют, нижняя часть последнего листа отрезана.³ Содержание сборника:

1. Лл. 1—21 об. — «Послание трем неизвестным» Аввакума (без начала). Начало текста: «...во странах сибирских от врага патриарха...».

2. Лл. 22—99 об. — «Сказание от божественных писаний, от апостольского предания и правил святых отец и о новых книгах. Имасть же писание оно поведати сице о тричастном кресте Христове и о крыже». Начало: «Понеже ныне у нас в Московском государстве от настатия Никонова патриаршества...».⁴

¹ П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. (Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, в. 1). — РИБ, т. 39. Л., 1927 (далее: РИБ, т. 39), стр. LXXX—LXXXII.

² Текст Послания издается нами в книге: Житие и другие сочинения протопопа Аввакума. Под ред. Н. К. Гудзия. Гослитиздат, М., 1960.

³ В рукописной описи собрания Н. М. Михайловского в ГПБ под номером Q.173 значится: «„Житие“ сочинения протопопа Аввакума и послание его: „Се аз, протопоп грешный Аввакум, исполнь сый неведения...“. 2 л. в нач. недостает. 153 л. XVIII в.».

⁴ Этот список «Сказания» не был отмечен В. Г. Дружининым в «Писаниях русских старообрядцев» (ЛЗАК, т. 25, 1913, стр. 416, № 632). Как выясняется из текста, место написания «Сказания» — Соловецкий монастырь, время написания — царствование Алексея Михайловича, вскоре после собора 1667 г. (см. лл. 24 об.—25, 29, 30, 34, 52, 82, 97 и др.). Сравнение «Сказания» с пятой Соловецкой челобитной (1668 г.) показывает, что «Сказание» является одним из весьма пространных вариантов ее. Но это не позднейшая переделка челобитной. Напротив, можно думать, что челобитная возникла на основе «Сказания», которое давало ей почти исчерпывающий свод возражений против церковной реформы Никона.

псалма Давида «о мирстем бытии». Имея свою особую тему, вторая часть на первый взгляд кажется никак не связанной с первой, и поэтому закономерен вопрос: не позднее ли это соединение двух различных сочинений протопопа Аввакума.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно учесть следующие соображения.

Во-первых, у Аввакума встречаются послания, где он обращается ко многим адресатам, причем эти части писем могут быть не связаны тематически. Так, например, в послании «Всей тысяще рабов Христовых» Аввакум помимо общего вступления попеременно обращается к Борису, Симеону, Маремьяне и каждому пишет о своем.⁹ То же самое можно наблюдать в послании игумену Сергию «с отцы и братиею».¹⁰ Следовательно, отсутствие темы 103-го псалма в первой части Послания не может свидетельствовать о безусловной самостоятельности обеих частей.

Во-вторых, и это главное, при изучении текста Послания вскрывается внутренняя логика рассуждений Аввакума: первая часть сочинения заканчивается наставлениями протопопа «блюсти душу» и его выводом: «блажен человек, его же господь обрящет бдяща о едиnorodной души, ему же слава в нетленных о госпoде», а вторая часть начинается с забот Аввакума о душе Ксении Ивановны: «разумно ли» она поет псалом «Благослови, душе моя, госпoда»; толкование псалма неоднократно прерывается советами: «не спать сном лености», «взыскать своего спасения». Таким образом, оказывается, что основной стержень Послания, составляющий внутренний смысл первой и второй его частей, — это поучения Аввакума своим «духовным детям», как «блюсти душу».

Так, за внешней непоследовательностью изложения Аввакума обнаруживается его внутреннее единство. Нам кажется, что все содержание первой части сочинения — история «развращения» православных Никоном, которая тесно связывается Аввакумом с его собственной борьбой с никонианами, упоминание о других защитниках «старой веры» — боярыне Морозовой, соловецких монахах и о всех тех, кто погублен «тьмы тьмами и тысяща тысящами», перечисление «бед» «в новых книгах» и рассказы о «живых» учителях, «никониянах-человекогубцах» — все это является вступлением к толкованию псалма и служит не только целям обличения, но и создает у читателя определенное отношение к автору толкования, стойкому борцу за «истинную» веру, противостоящему и патриархам и царю «со властью», всему сонму «мучителей», подобно первым подвижникам христианства.

Только после такого обширного вступления, обосновывающего право Аввакума учить «духовных детей» и толковать Священное писание, идет само толкование псалма.

С нашей точки зрения, Послание — единое законченное сочинение протопопа Аввакума.

Время написания Послания определено П. С. Смирновым — 1678—1679 гг.¹¹ Эта дата не вызывает возражений, поскольку в тексте есть указание Аввакума: «егда же мя паки из Даур привезоша — тому лет 15» (Аввакум вернулся в Москву из сибирской ссылки в апреле-мае 1664 г.).

Можно предположить, что Послание было написано до «Книги обличений», которую П. С. Смирнов датирует 1679 г., ибо в нем никак не отразились несогласия Аввакума с дьяконом Федором, вспыхнувшие с но-

⁹ Там же, стлб. 830.

¹⁰ Там же, стлб. 846.

¹¹ Там же, стр. LXXX.

вой силой в 1678—1679 гг., хотя в Послании и затрагивается ряд вопросов, бывших основным предметом спора (вопрос о сошествии Христа в ад и о единственности троицы). Очевидно, что «Книга обличений» еще не была задумана, ибо не в натуре Аввакума было промолчать о противниках, излагая свое учение.

Кто же эти «духовные дети» Аввакума, которым было направлено Послание? П. С. Смирнов, подробно исследуя этот вопрос, установил, что Послание было отправлено в Москву, что Ксения Ивановна — бывшая казначея в доме боярыни Морозовой, а Александра Григорьевна — известная инокиня Меланья.¹² Попытаемся высказать несколько соображений о личности первого, неизвестного адресата.

Это был человек, по-видимому, довольно близкий к Аввакуму и занимавший видное положение в старообрядческой общине Москвы, поскольку он хорошо знал о жизни Аввакума, о деятельности Ртищева и А. С. Матвеева в пользу никоновской реформы («А Ртищевых тех ты и сам знаешь, да Артамон заедино, наговоря царя...», «ведаешь ты о сем и сам пространно...»). Следует исправить ошибку П. С. Смирнова, считавшего «Артамона» Ртищевым. Аввакум имеет здесь в виду ближнего боярина царя — Артамона Сергеевича Матвеева. Недаром в тексте сочинения имя «Артамон» фигурирует самостоятельно, даже несколько обособленно по отношению к фамилии «Ртищевых». Известно, что Аввакум постоянно называл А. С. Матвеева «Артамоном»,¹³ а среди Ртищевых во второй половине XVII в. Артамона не было.¹⁴ Ошибочность мнения Смирнова подтверждается и дальнейшим текстом. Аввакум рассказывает о влиянии «Артамона» на пустозерского священника Оську Никольского: «Агда же Артамон сюды приехал, и паки ево развратил. Артамон — ученой ловыга, и цареву душу в руках держал, а сия ему тварь — за ничтоже». Ясно, что эта характеристика относится к любимцу царя — А. С. Матвееву, который после смерти Алексея Михайловича (1676 г.) был сослан в Пустозерск.¹⁵

Можно думать, что неизвестный адресат Послания протопопа Аввакума находился в постоянном общении с Ксенией Ивановной и Александрой Григорьевной (игуменьей Меланьей), поэтому толкование и было отправлено всем троим.¹⁶

Эти факты напоминают нам о любимом ученике Аввакума — Симеоне, в иночестве игумене Сергии. Именно ему, как доказали и А. К. Бороздин и П. С. Смирнов, Аввакум в свое время послал «Книгу толкований»

¹² Там же, стр. LXXX—LXXXI.

¹³ См. отрывки из «Жития» протопопа Аввакума по списку Г. М. Прянишникова (публикация В. И. Малышева): ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1952, стр. 388. Другие старообрядцы также называли А. С. Матвеева просто «Артемоном» (см. «Послание сыну Максиму» дьякона Федора. — Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VI. М., 1881, стр. 213).

¹⁴ Русский биографический словарь, изд. Русского исторического общества, «Романова—Рясовский». Пгр., 1918, стр. 325—367.

¹⁵ А. С. Матвеев был в Пустозерске, очевидно, с 1678 по 1680 г., так как первая его челобитная царю из Пустозерска была отправлена в 1678 г., а в 1680 г. его уже перевезли на Мезень (см.: История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева, изд. Н. И. Новиковым. СПб., 1776, стр. 72, 337). Эти сведения также подтверждают дату написания Аввакумом Послания — не ранее 1678 г.

¹⁶ Вряд ли Ксения Ивановна и Александра Григорьевна жили в доме князя Урусова, как предполагал П. С. Смирнов. Письмо Е. П. Урусовой «неизвестному» позволяет думать, что Ксения Ивановна жила где-то в другом месте: «Со слезами проси у Ивановной, чтобы она детей моих не покинула... да посылала бы к ним Анну, да и сама бы ходила, буде возможно, хотя изретка» (Переписка кн. Е. П. Урусовой со своими детьми. — Страница и новизна, т. XX. М., 1916, стр. 40).

вой силой в 1678—1679 гг., хотя в Послании и затрагивается ряд вопросов, бывших основным предметом спора (вопрос о сошествии Христа в ад и о единосущности троицы). Очевидно, что «Книга обличений» еще не была задумана, ибо не в натуре Аввакума было промолчать о противниках, излагая свое учение.

Кто же эти «духовные дети» Аввакума, которым было направлено Послание? П. С. Смирнов, подробно исследуя этот вопрос, установил, что Послание было отправлено в Москву, что Ксения Ивановна — бывшая казначея в доме боярыни Морозовой, а Александра Григорьевна — известная инокиня Меланья.¹² Попытаемся высказать несколько соображений о личности первого, неизвестного адресата.

Это был человек, по-видимому, довольно близкий к Аввакуму и занимавший видное положение в старообрядческой общине Москвы, поскольку он хорошо знал о жизни Аввакума, о деятельности Ртищева и А. С. Матвеева в пользу никоновской реформы («А Ртищевых тех ты и сам знаешь, да Артамон заедино, наговоря царя...», «ведаешь ты о сем и сам пространно...»). Следует исправить ошибку П. С. Смирнова, считавшего «Артамона» Ртищевым. Аввакум имеет здесь в виду ближнего боярина царя — Артамона Сергеевича Матвеева. Недаром в тексте сочинения имя «Артамон» фигурирует самостоятельно, даже несколько обособленно по отношению к фамилии «Ртищевых». Известно, что Аввакум постоянно называл А. С. Матвеева «Артамоном»,¹³ а среди Ртищевых во второй половине XVII в. Артамона не было.¹⁴ Ошибочность мнения Смирнова подтверждается и дальнейшим текстом. Аввакум рассказывает о влиянии «Артамона» на пустозерского священника Оську Никольского: «Агда же Артамон сюды приехал, и паки ево развратил. Артамон — ученой ловыга, и цареву душу в руках держал, а сия ему тварь — за ничтоже». Ясно, что эта характеристика относится к любимцу царя — А. С. Матвееву, который после смерти Алексея Михайловича (1676 г.) был сослан в Пустозерск.¹⁵

Можно думать, что неизвестный адресат Послания протопопа Аввакума находился в постоянном общении с Ксенией Ивановной и Александрой Григорьевной (игуменьей Меланьей), поэтому толкование и было отправлено всем троим.¹⁶

Эти факты напоминают нам о любимом ученике Аввакума — Симеоне, в иночестве игумене Сергии. Именно ему, как доказали и А. К. Бороздин и П. С. Смирнов, Аввакум в свое время послал «Книгу толкований»

¹² Там же, стр. LXXX—LXXXI.

¹³ См. отрывки из «Жития» протопопа Аввакума по списку Г. М. Прянишникова (публикация В. И. Малышева): ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1952, стр. 388. Другие старообрядцы также называли А. С. Матвеева просто «Артемоном» (см. «Послание сыну Максиму» дьякона Федора. — Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VI. М., 1881, стр. 213).

¹⁴ Русский биографический словарь, изд. Русского исторического общества, «Романова—Рясовский». Пгр., 1918, стр. 325—367.

¹⁵ А. С. Матвеев был в Пустозерске, очевидно, с 1678 по 1680 г., так как первая его челобитная царю из Пустозерска была отправлена в 1678 г., а в 1680 г. его уже перевезли на Мезень (см.: История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева, изд. Н. И. Новиковым. СПб., 1776, стр. 72, 337). Эти сведения также подтверждают дату написания Аввакумом Послания — не ранее 1678 г.

¹⁶ Вряд ли Ксения Ивановна и Александра Григорьевна жили в доме князя Урусова, как предполагал П. С. Смирнов. Письмо Е. П. Урусовой «неизвестному» позволяет думать, что Ксения Ивановна жила где-то в другом месте: «Со слезами проси у Ивановной, чтобы она детей моих не покинула... да посылала бы к ним Анну, да и сама бы ходила, буде возможно, хотя изретка» (Переписка кн. Е. П. Урусовой со своими детьми. — Старина и новизна, т. XX. М., 1916, стр. 40).

(1675—1677 гг.):¹⁷ «Бог благословит тя сею книгою», — писал протопоп «чаду Симеону».¹⁸ Сами тексты аввакумовских толкований неоднократно прерываются обращениями к нему. Симеон постоянно спрашивал Аввакума о различных догматических вопросах, считая его ум «огненным и благодатным». Известно также, что именно Симеон присылал Аввакуму выписки из некоторых псалмов с толкованиями, вопрошая «духовного отца» об их правильности.¹⁹ Иногда Аввакум обращался в одном и том же послании и к Сергию (Симеону) и к Меланье (Александре Григорьевне): «Слушай-ко, игумен Сергей! Иди во обитель Меланьди-матери и прочти сие, писанное се духом святым, на соборе Елене при всех... А ты, Мелания, не яко врага ея имей...».²⁰ Меланья, так же как Симеон, интересовалась вопросами богословия, недаром Аввакум послал ей один из экземпляров «Книги бесед».²¹ Есть известие о том, что «Книгу обличений» на дьякона Федора (1679 г.), находящуюся в единственном списке в той же рукописи, что и Послание, Аввакум также отправил игумену Сергию: «Прими, Сергей, Вечное евангелие, не мною, но перстом божием писано».²² Это известие наводит на мысль, что именно идентичность адресатов, возможно, явилась причиной помещения позднейшим переписчиком в одном и том же сборнике (собр. Н. М. Михайловского, Q.173) и «Книги обличений» и рассматриваемого Послания. Поскольку личность двух «духовных детей» Аввакума, которым было направлено Послание, является известной, а все вышесказанное позволяет предположить, что в начале Послания Аввакум обращался к Симеону, представляется более правильным называть это сочинение не «Посланием трем неизвестным», а «Посланием Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне».

Чтобы закончить реальный комментарий Послания, нужно сказать об «Анне Веньяминовне», упоминаемой Аввакумом в сочинении. Она названа сестрой Ф. П. Морозовой, «уоставщицей», т. е. защитницей никоновской реформы, за что ее и «бранила» непрестанно Морозова «в дому и в верху». Речь идет о горячей поклоннице Никона, Анне Михайловне Ртищевой, родной сестре Ф. М. Ртищева и троюродной сестре боярыни Морозовой (по Соковниным). Только один год она была замужем за В. К. Вельяминовым, почему и была больше известна под своей девичьей фамилией.²³ «Веньяминовна» — искажение ее фамилии в замужестве.

При изучении Послания возникает вопрос, почему 103-й псалом был выбран Аввакумом для специального толкования.

Аввакум относился недоверчиво к существующим толковым псалтырям: «В псалтырях тех толковых есть всячина; толковщиков тех много», — писал он своему ученику игумену Сергию.²⁴ В 1674—1675 гг. Аввакум сам занимался толкованием отдельных псалмов (40, 41, 44, 83, 102), полемически направляя их против «никониан».

103-й псалом, основной пафос которого — прославление божественной «премудрости», особенно чтился Аввакумом. Аввакум обращался к нему и ранее. Уже в «Списании и собрании о божестве и твари» (1672 г.),

¹⁷ А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, стр. 233; П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопоба Аввакума. — РИБ, т. 39, стр. XXXIV.

¹⁸ Там же, стлб. 576.

¹⁹ Там же, стлб. 852.

²⁰ Там же, стлб. 859.

²¹ Там же, стр. LXXX.

²² Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VIII. М., 1884, стр. 239.

²³ Русский биографический словарь, «Романова—Рясовский», стр. 335.

²⁴ РИБ, т. 39, стлб. 852.

рассказывая о сотворении мира, Аввакум использовал некоторые его стихи. В сочинении 1676 г., поучая «чад», «что есть тайна христианская и как жити в вере Христове», он дал толкование основной теме псалма, «возвеличишася дела твоя, господи, вся премудростью сотворил еси», считая любовь к богу первой заповедью христианина, а восхищение божественной «премудростью» прочным основанием этой любви. И, наконец, в специальном послании (1678—1679 гг.) Аввакум истолковал весь 103-й псалом. Вниманию Аввакума именно к 103-му псалму, вероятно, способствовало и то, что этот псалом был одним из пунктов расхождения старообрядцев с официальной церковью. Споры велись по обрядовому вопросу, о том, как следует петь в церкви (103-й псалом ежедневно пелся в начале вечерни), но, очевидно, что и само понимание псалма волновало старообрядцев, упрекавших «никониан» за недостаточное торжественное его исполнение.²⁵

При изучении Послания нужно решить вопрос, отличается ли толкование Аввакума от традиционных толкований 103-го псалма.

Из святоотеческих толкований на Руси с XI—XII вв. была распространена толковая псалтырь, приписываемая Афанасию Александрийскому.²⁶ Ее символические и мистические образы как нельзя лучше отвечали религиозному средневековому сознанию. Толкование 103-го псалма Давида «о мирстем бытии», посвященного устройству «земного круга», было разработано в этой псалтыри в духе обычных символических образов христианской литературы: трава, растущая «на службу человеком», — это «книги и дары духовныя, ими же питается человек на ниве крещения»; хлеб — «тело Христово», горы — «дохматы пророческие», жаждущие «онагри» — «языки... неразумно работавше», «великое и пространное» море — «житейское, еже поистине велико и широко», а корабли — «церкви, яко в пучине житейстей плавающе, в них же спасаются вернии». Прозвучал в толковании и такой мотив христианской средневековой литературы, как мотив смирения бедных, ищущих помощи у богатых. 17-й стих псалма («Ту птицы угнездятся») объясняется так: «высоких человеколюбец смирения и убозии людие ко богатым прибегающе».²⁷

Была известна на Руси и толковая псалтырь Феодорита Кирского, включающая древних толковников Симмаха и Акилу, но распространена она была очень мало, в рукописях встречается редко. Символических объяснений 103-го псалма у Феодорита почти нет, основная мысль, проходящая через все толкование, — все устроено «человеком на потребу». Стих о деревьях, где «птицы огнездятся», для Феодорита означает совсем другое, чем для Афанасия: «также же бо древес а иную потребу человеком дают, иную же птицам: человеком на строение хлевинам ключима суть, птицам же сама суть жилища».²⁸ Тот же смысл вкладывает он и в толкование стиха 11: «Все божия промышленья, еже не точию человеком по-

²⁵ В «Соловецком сказании» (ГПБ, собр. Н. М. Михайловского, Q.173, л. 47 об.) так пишется об этом: «Егда глаголются псалмы „Благослови, душе моя, господу“, и в то время дякону указано стоять отвратясь от божия лица, лицом на запад. И то они напечатали самое не богоугодное дело, гаче же и сопротивно, понеже вместо еже бы ему купно со псалмопевцом стояху на восток и, зря на образ божий, благословити и хвалити господу за вся благая его, еже к нам воздаяния, а он в то время и от того образа божия к западу отвратится и яко отрицатель божия милости показуется. А прежде сего того не бывало».

²⁶ Н. П. Вишняков. О происхождении Псалтыри. СПб., 1875, стр. 8; А. Горский и К. Невострев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 1. М., 1857, стр. 69.

²⁷ Толковая псалтырь, приписываемая Афанасию Александрийскому (ГПБ, Q.I.40, лл. 337—341).

²⁸ Толковая псалтырь Феодорита Кирского (ГПБ, Q.I.37, л. 159).

требу, но и скотам даяти. Сего ради горы проделая, проходы водам створил еси, яко да не точию человецы имут по обилию, но и звери и птица».²⁹

Древнерусская письменность знает также «Беседы на псалмы» Иоанна Златоуста и Василия Великого, но отдельного толкования 103-го псалма они не содержат.

В XVI в. трудами русских переводчиков появляются еще две толковые псалтыри: Максима Грека, представляющая собой извлечение из толкований отцов восточной церкви и перевод их с греческого, и перевод Дмитрия Герасимова с латинского языка Бруновой толковой псалтыри. Толковая псалтырь Максима Грека наряду с псалтырью Афанасия Александрийского стала одной из самых авторитетных на Руси. Она объединила три различных типа толкования стихов псалтыри. Одни толкователи придерживались «изъявления», по определению Максима Грека, «еже по возвожению, сиречь по высокому и духовному зрению», другие — «по иноглаголанью и православию, яже и паче созидати водят послушающих, поелику в нравы учительство проливают», третьи толкователи — «по истории и писмены держатся».³⁰ Несмотря на различие приемов, сущность толкований была одинаковой: символическое осмысление образов псалтыри, богословская абстракция как основной способ объяснения. Даже наименее символические из всех толкований — толкования Иоанна Златоуста и Феодорита — носят весьма отвлеченный характер.

В конце XVII в. распространяется Киевская псалтырь с «кратким толкованием», приписываемым Дмитрию Ростовскому³¹ (1-е издание — 1695 г.). Все объяснения в ней «собранны» «из святых отец» и главным образом из толковой псалтыри Афанасия Александрийского: «трава — дары духовныя», «хлеб от земли — Христос от пресвятой богородицы», «горы — проповедь пророк и апостол» и т. д. Толкование 17-го стиха («Ту птицы угнездятся») дано Дмитрием Ростовским также в извлечении из Афанасия: «птицы — смиреннии и убозии, к богатому — богу — в милости притекающие, покой обретают».³²

Как выясняется, древнерусская традиция знала лишь святоотеческие толкования псалтыри, разрешая и русским комментаторам пользоваться только ими.

Аввакум в толковании 103-го псалма отступает от установленных образцов. Он мало использует толковые псалтыри «святых отцов», а выбирает источники сам. Это прежде всего Библия, затем «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского, «Физиолог», «Азбуковник».

Из Библии и «Шестоднева» Аввакум черпал материал об устройстве неба, земли, планет. Кроме того, из «Шестоднева» он заимствует сведения о «твари», «малой с великими», о различных морских животных: «Мнози велицы животи есть в море: пси велицы, и изугени, и приони, и делфини, и селахи же, и фоки, и ин живот дробный, его же родов несть числа»;³³ о китах,³⁴ о «стерхах» — «разумных и добрых птицах».³⁵ Сказа-

²⁹ Там же, л. 158 об.

³⁰ Толковая псалтырь Максима Грека (ГПБ, F.I.415/1, лл. 2—15).

³¹ А. Родосский. Описание старопечатных книг, в. 1. СПб., 1891, стр. 418; Н. П. Вишняков. О происхождении Псалтыри, стр. 10. — Эта «официальная» толковая псалтырь издавалась в Киеве несколько раз вплоть до 1802 г.

³² Псалтырь с кратким толкованием. СПб., 1726, л. 145. — Это издание повторяет киевское 1695 г.

³³ «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского, изданный О. М. Бодянским. ЧОИДР, 1879, кн. 3 (далее: «Шестоднев»), лл. 166 об.—172.

³⁴ Там же, лл. 162 об., 172.

³⁵ Там же, л. 178 об.

ние о многоножице входит и в «Азбуковник»³⁶ и в «Физиолог»,³⁷ но источником Аввакума, как позволяет судить сопоставление текстов, был «Шестоднев».³⁸ В «Шестоднев» входит и рассказ о каркине и острее.³⁹

Сведения о неясности, онаграх взяты Аввакумом из «Азбуковника»,⁴⁰ рассказ о «естестве львовом» — из «Физиолога».⁴¹ К «Физиологу» восходят уже ранее употреблявшиеся Аввакумом (в толкованиях, написанных до 1676 г.) сказания об орле, олени и фениксе.

Послание обнаруживает прекрасное знание Аввакумом этих средневековых естественнонаучных энциклопедий. Если в толкованиях, написанных до 1676 г., Аввакум использовал только четыре сказания «Физиолога» — об орле, олени, фениксе и горлице, то в этом сочинении он привлекает их довольно широко. Возможно, что Аввакум пользовался не только «Шестодневом» и «Физиологом», но и статьей «От Шестоднеца избрано о животех» (входила в состав Мерила праведного), представляющей собой сжатые выборки из «Шестоднева», и словом «О разсечении человеческого естества», русским сочинением конца XVII в., также использовавшем сказания «Физиолога» и «Шестоднева» в религиозно-нравоучительных целях.⁴²

Каково использование этих полулегендарных сказаний в Послании?

Рассказы, приводящиеся Аввакумом, очень близки к тексту «Шестоднева», «Физиолога», «Азбуковника», наблюдаются даже текстуальные совпадения, но все-таки всегда эти рассказы не механически заимствованы, а переработаны.

Сравним два сказания «Шестоднева» — о китах и о каркине и острее — с изложением их в сочинении Аввакума. Аввакум, оставляя неприкосновенными основные моменты сказания о китах, значительно сокращает и упрощает его.

«Шестоднев»

Еще же и китыстый живот, еже се рекут лежеси, иже се равни творет с островы (л. 162 об.).

Веде кити, еже им естеством отлучено жирование вне уселных мест, в том же мори суть и в пустеем острове. У него же по оной стране несть съпроста земле, занеже находят туду корабли. Кити же подобни суть великим горам... (л. 168 об.).

Створи бог киты великие... но им же к великим горам телом великом приравнует се, еже и аки острови многажди мними суть... Киты толицы суще не при брезе, ни при малости ходет, нъ в Антильнантичестей ширине морьстей живет. Тако ти ест, еже на боязнь нам и ужасение створени суть животи (л. 172).

Послание Аввакума

Есть в мори, во Алантичестей стране лежаги, сиречь киты велицыи, жируют. Егда воспловут, подобны суть горам великим или яко грады велицыи. Туды корабли не заходят. Но на удивление и на страх нам таковой живот сотворил хитрец (л. 16 об.).

³⁶ «Азбуковник», изданный И. П. Сахаровым в «Сказаниях русского народа» [т. II, СПб., 1849 (далее: «Азбуковник»), стр. 171].

³⁷ «Физиолог» в рукописи ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1964, л. 35 (в «Физиологе», изданном А. Карнеевым, это сказание отсутствует).

³⁸ «Шестоднев», лл. 167 об.—168.

³⁹ Там же, л. 167—167 об.

⁴⁰ «Азбуковник», стр. 173, 175.

⁴¹ А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога». СПб., 1890, приложение, стр. III.

⁴² Н. Н. Дурново. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. — Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III. М., 1902, стр. 47—55, 64—71.

Сравним также рассказ о каркине и острее:

«Шестоднев»

Послание Аввакума

Видев же аз в немощне животе велику льсть и разумев, вею ти: да отбегнеши злааго того и проныривааго подрежания.

Каркин есть, да то жаелает зело ясти плъти остреевы, но бедно ему есть уловити ё, им же одежда ему есть, яки чрепина жестока. Да тем родом есть одено мекъкое месо и заключено в сколку тую тверде, да нечто створити каркину. Того щца да егда ё ублюдет в заветрыне месте зело сладъце се греюще и противу солнцю свои лице развезъше. Тогда же отай приде бо каркин, и камычьдъ възьмь в сколке ввърыг — не даст състегнути ё ю, ни створити. То то льстю премыслив, сътворит (л. 167—167 об.).

Есть в мори живот, именов острей, а другой — каркин. И жаелает каркин ясти плоть астреев и немощно ему улучити ея: в сколку огражена. Егда же острей уразумеет каркин в заветренне месте греущая, разверше сколца своя, бив его каркин, и ввержет камычьдъ в сколца его. И к тому не возможет стягнути их, тако то его и погубит.

О злый, пронырливый каркин, прехитрил мнлаго острей-живота!

Тако то и никонияне, добывают христиан, умышляют, на смерть предают. Егда христианин не хотя их жертвам общатися, в заветреннем месте греущая или молитвуют втай или ино что служиг богови, разверше сколца своя, сиречь не опасется бедной горюю, уведав же, еретицы на нь и, бив его, совсем разорят, яко острей каркин съдят совсем (л. 17).

Нетрудно заметить, что и в этом рассказе переработка идет по линии краткости и простоты изложения, причем весь рассказ полемически направляется против «никониян».

Эти наблюдения подтверждают основные выводы А. К. Бороздина о характере использования Аввакумом источников. А. К. Бороздин писал:

«Займствование из источников в очень редких случаях бывает буквальное, почти всегда Аввакум переделывает тот текст, которым он пользуется: или сокращает его, или упрощает внесением реальных подробностей, иногда почерпнутых из личных наблюдений и всегда приноровленных к умственному кругозору его паствы — такие приноровления становятся особенно важными ввиду полемического направления почти всех толковательных сочинений Аввакума».⁴³

Д. С. Лихачев, исследуя стиль протопопа Аввакума, писал, что «к каждой теме он подходит с неизменным эгоцентризмом. Личное отношение пронизывает все его изложение, составляя самую суть его».⁴⁴ Это своеобразие стиля Аввакума можно наблюдать и в переработке сказаний «Физиолога» и «Шестоднева». Изложение Аввакума по сравнению с рассказом «Шестоднева» эмоционально окрашено. Горькое сожаление о жертве — «милом острее-животе», которого «прехитрил» «злый, пронырливый каркин», позволяет Аввакуму провести аналогию с тем, как теперь «никонияне добывают христиан», «бедных горюю». Отвлеченные рассуждения Иоанна, экзарха болгарского, о лести и злобе заменены в рассказе Аввакума публицистическим отступлением о конкретных льстецах и ненавистниках, по его представлениям, — о «никониянах».

⁴³ А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, стр. 270.

⁴⁴ Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2). — История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 316.

Для космографического комментария Аввакум обращался и к патристической литературе. Рассказывая о «бездне, глаголемой тартар», Аввакум ссылается на Патрикия Прусского (память 19 мая), картина «воскресения мертвых», которую он рисует в Послании, напоминает о «слове» Палладия Мниха «О втором пришествии Христове»⁴⁵ и «слове» Ипполита, папы римского, «О скончании мира и о антихристе».⁴⁶ Здесь же Аввакум опирается на цитаты из сочинений апостола Павла и Златоуста.

Не только источники толкования, но и сама интерпретация Аввакумом 103-го псалма самостоятельна.

Величие бога раскрывается для Аввакума прежде всего в целесообразности устройства видимого мира. Такое понимание было свойственно христианской литературе вообще (к тому же это тема и 103-го псалма), но важно отметить, что Аввакум идет именно за теми христианскими авторами, которых интересуют проблемы мироздания, обращается к той богословской и легендарной литературе, которая давала материал для естественнонаучного и космографического комментария псалма, и, сосредоточивая внимание на отдельных вопросах конкретного устройства вселенной, отходит от святоотеческой и древнерусской традиции толкования 103-го псалма. «Небесное величество», которое «мысли человека превосходит и меры», равномерное движение солнца и звезд, «коловоротствующих непрестанно», устройство «водного естества» — рек, озер, болот, «несведомое» множество родов птиц и зверей вызывают восторженную оценку Аввакума: «видимая суть добро сия».

Это восхищение Аввакума «видимым» миром сильно прозвучало уже в «Житии». Но там описания могучей сибирской природы появились как результат личных наблюдений Аввакума, отсюда их выразительность и эмоциональность. В толковании же псалма чувствуется книжность многих представлений Аввакума. Но и здесь, как всегда, он стремится ввести моменты реального жизненного опыта, что придает его комментариям такую удивительную непосредственность. Так, объясняя, «како то есть водное естество устроено», рассказывая о жаждущих онаграх, Аввакум пишет: «Повсюду напаяют зверей и птиц: в дребрах, в камениях горских и инде. Разсадит вода та камень, текуще, ждет онагрев жадных напоити. Онагрь, по Алфавиту конь глаголется или осел, а попросту — лошадь. Тепло на желание естество имать прилучается, или человек на нем едет, или просто в дребрах витает, обретает текущую воду, испивает, а хозяин ево, его же ради живот сей создася, глаголют, человек, о сем славит бога. Лошадка напиталася — опять поехал путем или на работу о имени господни».

Кроме этого момента — внимания Аввакума к «видимому» миру, — можно выделить еще одну характерную для содержания его толкования черту: убеждение, что все сделано «человека ради». И в этом его толкования приближаются к толкованиям Феодорита, а одно толкование Аввакум даже заимствовал у него — его рассуждение о море и кораблях. В толковой псалтыри Феодорита стихи 25—26 («Се море великое и пространное... Ту корабе преплавают») так объясняются: «Вси потреба зело еси требе человеком, корабским бо ремством и окормскою хитростию друг от друга приемлем, еже комуждо требе: еже нам [от] оных требе еси, и еже онем от нас».⁴⁷ В толковании Аввакума читаем: «Корабли бо по морю преплавают из царства в царство, строя нашу человеческую жизнь. Пре-

⁴⁵ Соборник. М., 1647, л. 140.

⁴⁶ Там же, л. 120.

⁴⁷ Толковая псалтырь Феодорита Кирского (ГПБ, Q.1.37, л. 159—159 об.).

возят бо вещи из земли в землю, иде же чево несть, отинуде превозят. Море бо совокупляет воедино всех нас, да любим друг друга и хвалим чинотворца хитреца-бога». Концовка «да любим друг друга и хвалим чинотворца хитреца-бога», — то, чего нет у Феодорита, остановившегося в своих толкованиях на признании «пользы» всего сотворенного в мире, созданного «человеком на потребу». ⁴⁸ Аввакум же вводит в свое толкование мысль о необходимости любви в отношениях людей — один из основных мотивов всех его писаний. И тут же возникает контрастирующая с этой мыслью картина «нынешнего» «лютото времени»: «Мы же несть тацы суть, не хошем бо обще стяжания иметь, но вся хошу мне собрать, яко несытый всеядец. Аще бы ми возможно, вся бы вещи морския и земския во утробу свою вместил».

Образ жадного богача дополняется образом «раздувшегося», по выражению Аввакума, священника-лицемера, о котором Аввакум пишет в толковании того же 25-го стиха: «Кажутся яко постницы, даже вящши чин улучат. Егда же въздет на высоту, тогда от воздержания и раздует его девство. Где ся у святого отца кожа възмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная». А несколько раньше, поучая «духовных детей» воздерживаться от вина, Аввакум вспоминал о пьяных попах и чернецах, которые, «яко богомольцы», «всегда жрут жертву пьяному Дионису».

Так возникает у Аввакума противопоставление прекрасного божьего мира отсутствию любви между людьми, отсутствию «общего стяжания», насилию властей, лицемерию духовных пастырей. С одной стороны, бог, «строющий человеческую жизнь», а с другой — «злые и лукавые власти», «никониане-человекоубыцы», усилиями которых «тмы тмами и тысяща тысящами погублено народу».

Именно в этом соединении темы красоты божьего мира с обличением «житейской скверны», нашедшей, с точки зрения Аввакума, самое сильное воплощение в никонианстве, проявляется новая трактовка Аввакумом традиционной темы восхваления бога. Неприятие Аввакумом «лютото нынешнего времени» звучит в Послании еще сильнее от этого противопоставления.

Как уже отмечали исследователи, отнюдь не традиционными являются у Аввакума и его приемы толкования текста.

Его религиозному сознанию, воспитанному средневековым богословием, были близки символические образы христианской литературы. «Еродий — Христос», «кедры — святии божии, на них же Христос селитбу имать; ливан — благодать духа святого... птицы — беси со диаволом живучи блазнят в тех же недрах», — пишет Аввакум о 17-м стихе 103-го псалма. Но, как указывает Д. С. Лихачев, «отвлеченная церковно-библейская символика становится у него конкретной, почти видимой и осязаемой». ⁴⁹ Аввакум пытался осмыслить традиционные символические образы в сфере своих представлений о человеческой жизни. Так, в аллегории «хлеба — тела Христова» и «вина — крови его» Аввакум видит реальные хлеб и вино православного причастия. 18-й стих псалма «горы высокия — еленем, камень — прибежище зайцем» воспринимается Аввакумом с помощью образов-символов, созданных Афанасием Александрийским: «Елени, глаголет, пустынницы», «камень, глаголет, церковь божия; зайцы — христиане православные». Но, осмысляя эти образы, Аввакум разрушает их символический, отвлеченный характер, сравнивая христианина, спасающегося

⁴⁸ Там же, л. 159.

⁴⁹ Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2), стр. 322.

в церкви, с совершенно реальным зайцем: он, «яко зайчик, под камень хронится от совы, и от серагуя, и от псов», которые так его и «нюхают».

Или другой пример. Для объяснения стихов 21—22 о «скимнах рыкающих», которые ночью ищут пищи, а днем, когда «возсия солнце, собравшаяся и в ложах своих лягут», Аввакум привлекает сагу «Физиолога» о льве, полную символических намеков и параллелей. Аввакум создает с помощью символов целую картину: «Возсия солнце праведное, и в ложах своих зверие — в темницах адовых дияволи — возлегли, страхом одержими, трепещуще». Но это сугубо символическое толкование стиха псалтыри неожиданно заканчивается апелляцией Аввакума к непосредственным наблюдениям своих читателей: «А и видимыя звери во дни том мало волочатся», — напоминает он.

Изучение символики зверей, использованной в этом сочинении, сравнение ее с народно-поэтической символикой весьма интересно для выяснения связи книжных и народно-поэтических источников некоторых представлений Аввакума, но этот вопрос выходит за пределы задач данной статьи и здесь освещен быть не может.

Известно, что Аввакум очень свободно обращался с формой толкования как определенного жанра. Уже А. К. Бороздин отмечал, что «толкования» и «беседы» Аввакума очень тесно связаны, почти неразделимы. Так, беседа об Аврааме «по форме представляется толкованием некоторых частей из послания апостола Павла галатам и римлянам», «рядом с толкованием мы находим полемику против никониан и рассуждения об антихристе».⁵⁰

Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне является одним из ярких примеров того, как Аввакум разрушал жанровые рамки.

Сочинение это экзегетическое и учительное одновременно. Толкование и беседа не только постоянно сменяют друг друга, что отмечается даже особыми замечаниями Аввакума: «Возвратимся о твари беседовать», «...прекращу беседу о сих» и т. п., но и взаимопереходят одно в другое. Толкование, содержание которого должно определяться «сущим», т. е. сообразуемым тезисом или фактом, перерастает ограниченные рамки «толка» и «превода» и превращается в рассуждение-беседу протопopa с духовными детьми на широкую тему «спасения души», сопровождаемую различными поучениями («Не спи, не спи сном лености», — обращается Аввакум к Александре Григорьевне; «Перестань-ко ты и вино попивать и мясца кушать», — поучает он ее же).

Но это соединение в одном сочинении толкования и беседы характерно и для других произведений Аввакума. Особенностью же данного толкования является то, что оно написано в форме послания совершенно конкретным лицам. Обычно Аввакум в посланиях своим приверженцам отвечал лишь на отдельные догматические или обрядовые вопросы или же посылал законченные толкования, сопровождая их отдельным письмом.⁵¹

П. С. Смирнов пишет об отправке Аввакумом «Книги бесед»: «Можно утверждать, что каждый раз несший из Пустозерска „Книгу бесед“ нес... и сопроводительное со стороны протопopa послание на имя адресата этой посылки с различными частными замечаниями и наставлениями».⁵²

⁵⁰ А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум, стр. 233.

⁵¹ См. «Книгу бесед» Аввакума и его послания Морозовой, Урусовой и Даниловой, письмо инокине Мелании с сестрами (РИБ, т. 39, стлб. 393—424), а также «Книгу толкований» и письмо Симеону (там же, стлб. 563—576).

⁵² РИБ, т. 39, стр. LXXIII.

Первая часть рассматриваемого Послания не является сопроводительным письмом, это вступление, органически связанное со второй частью — толкованием 103-го псалма. Из произведений Аввакума известно только одно, где постановка важнейших догматических вопросов была дана в форме послания конкретному адресату, — это «Книга обличений», или «Евангелие вечное», направленное дьякону Федору и написанное в 1679 г., несколько позднее Послания.

Форма послания обусловила другую особенность этого сочинения — наличие большого количества автобиографического материала, соседствующего с толкованием текста Священного писания. Начало сочинения настолько обстоятельно рассказывает о деятельности протопопа Аввакума в защиту старой веры, что в рукописной описи собрания Н. М. Михайловского все сочинение значится под заглавием «Житие сочинения протопопа Аввакума». ⁵³ Автобиографический материал используется здесь не только как средство для объяснения текста или выражения личного отношения к отдельным фактам, но и в качестве обоснования права Аввакума толковать Священное писание и в качестве гарантии того, что оно будет истолковано правильно. «Да гряди убо, чадо, да тя повожу, прежде за руку ем, по граду и покажу ти сокровенная чудеса великаго сего града и разумнаго и угощу тя в нем», — пишет Аввакум в начале толкования, обращаясь к Ксении Ивановне.

Послание позволяет сделать ряд наблюдений над жанровым своеобразием сочинений Аввакума и может служить материалом для рассмотрения вопроса о том, каким образом гибкость формы многих его произведений, в том числе и «Жития», представляющего собой переплетение черт различных жанров, где приемы эпического сказа нельзя оторвать от изложения вопросов богословия, соответствует агитационным установкам Аввакума и в какой степени эта гибкость формы может рассматриваться как его особый литературный прием.

Таким образом, Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне, существенно дополняющее, как уже указывалось выше, «Книгу толкований» протопопа Аввакума, не только обогащает наше представление о его литературном наследии и дает интересный материал для выяснения некоторых сторон мировосприятия Аввакума, но может помочь в изучении не решенного еще вопроса о жанровом своеобразии сочинений Аввакума.

⁵³ См. стр. 257 настоящей статьи.